ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2025. Том 18. Выпуск 7 | 2025. Volume 18. Issue 7
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Антиутопическая традиция в ранней прозе бр. А. и Б. Стругацких. Статья вторая

Осьмухина О. Ю., Харитонов А. Н.

Аннотация. Статья посвящена анализу произведений бр. Стругацких второй половины 1960-х годов в контексте эволюции их творчества. Цель исследования заключается в выявлении особенностей преломления антиутопической традиции в «Хищных вещах века» и во «Втором нашествии марсиан». Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в отечественном литературоведении ранняя проза писателей рассматривается сквозь призму антиутопии. В результате исследования установлено, во-первых, что оба произведения, отсылающие благодаря отдельным мотивам (пришествие инопланетян) и приемам (стилизация повествования под дневник главного героя) к «Войне миров» Г. Уэллса и «Мы» Е. Замятина, повествуют о контроле над личностью, но если в «Хищных вещах века» предупреждением звучит появление общества потребления, то во «Втором нашествии марсиан» повествуется об угрозе внутренней жизни человека посредством воспитания в людях довольства комфортом. Во-вторых, меняется позиция главного героя антиутопии, который из антагониста тоталитарного мира, мыслящего его «чужим» («Хищные вещи века»), становится частью достигшего высшей ступени прогресса антиутопического мира («Второе нашествие марсиан»). В-третьих, если в «Хищных вещах века» очевидны отсылки к политическим реалиям современного мира, репрезентованным посредством иносказания, то хронотоп «Второго нашествия марсиан» абстрактен.

EN

The dystopian tradition in the early prose of brothers A. and B. Strugatsky. Article two

O. Y. Osmukhina, A. N. Kharitonov

Abstract. This article is devoted to the analysis of the works of the Strugatsky brothers from the second half of the 1960s within the context of the evolution of their literary creativity. The aim of the study is to identify the features of the reinterpretation of the dystopian tradition in “Predatory Things of the Century” and “The Second Invasion from Mars”. The scientific novelty of the research lies in the fact that, for the first time in domestic literary studies, the early prose of these writers is examined through the lens of dystopia. The study reveals, firstly, that both works, referencing through certain motifs (the arrival of aliens) and narrative techniques (stylistic imitation of the protagonist’s diary) “The War of the Worlds” by H. G. Wells and “We” by Yevgeny Zamyatin, address the theme of control over the individual. However, while “Predatory Things of the Century” warns against the emergence of a consumer society, “The Second Invasion from Mars” narrates the threat to the inner life of a person posed by the cultivation of contentment with comfort. Secondly, the position of the dystopian protagonist changes: from an antagonist of the totalitarian world who perceives it as “alien” (“Predatory Things of the Century”), he becomes part of the dystopian world that has reached the highest stage of progress (“The Second Invasion from Mars”). Thirdly, whereas “Predatory Things of the Century” contains clear allusions to the political realities of the contemporary world conveyed through allegory, the chronotope of “The Second Invasion from Mars” is abstract.

Введение

Традиция антиутопии сформировалась в XX веке, когда в русской и западной литературе появляется множество образцов этого жанра – от «Мы» Е. Замятина, «О дивного нового мира» О. Хаксли, «Повелителя мух» У. Голдинга, «1984» и «Скотного двора» Дж. Оруэлла до «Берега москитов» П. Теру, «Голубого сала» и «Теллурии» В. Сорокина, «Кадавров» А. Поляринова, – привлекающих пристальное внимание исследователей (Борода, 2011; Воробьева, 2009; Геллер, 1994; Камратова, 2016; Костенкова, 2019; Ланин, 1993a; 1993b; Любимова, 2002; Мангейм, 1976; Тузовский, 2009; Ху Цзяжуй, 2024; Walsh, 1972). В связи с этим актуальность нашего исследова-

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20250376

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

ния объясняется, с одной стороны, неослабевающим литературоведческим интересом к специфике жанра антиутопии. С другой стороны, необходимостью осмысления преломления антиутопической традиции в прозе крупнейших представителей научной фантастики конца XX столетия бр. А. и Б. Стругацких, особенно учитывая мнение стругацковедов о том, что в их творчестве воплощена мотивика творцов антиутопического дискурса Г. Уэллса, Р. Брэдбери, Е. Замятина (Ланин, 1993a; 1993b; Хауэлл, 2021).

Оговоримся, что, опираясь на авторитетное мнение Б. А. Ланина, мы понимаем под антиутопией «пародию на жанр утопии, либо на утопическую идею»: «…антиутописты… предлагают читателю разобраться, как расплачивается простой обыватель за всеобщее счастье. <…> Конфликт в антиутопии возникает там, где герой против власти. Эксцентричность многих героев антиутопии проявляется в их творческом порыве, в стремлении овладеть даром, не подвластном тотальному контролю. Обычно острота конфликта зависит только от поведения героя, от степени его сопротивления. Структурный стержень антиутопии – псевдокарнавал. <…> Основа псевдокарнавала – абсолютный страх… Разрыв дистанции между людьми, находящимися на различных ступенях социальной иерархии, считается нормой для человеческих взаимоотношений в антиутопии, как и право каждого на слежку за другим» (2001, с. 38-39). При этом справедливости ради отметим, что наряду с термином «антиутопия» в работах отечественных и зарубежных литературоведов обозначаются и разновидности антиутопии: «дистопия» как искаженная, перевернутая утопия и «роман-предупреждение» как критика социальной действительности (Комлева, 2007).

В соответствии с поставленной целью задачи работы предполагают, во-первых, анализ антиутопичности повести «Хищные вещи века»; во-вторых, осмысление особенностей антиутопии во «Втором нашествии марсиан».

Материалом исследования явилась проза бр. Стругацких второй половины 1960-х годов, их статьи, письма, интервью:

- Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Собрание сочинений: в 11 т. / под общ. ред. С. М. Бондаренко. Изд-е 2-е, испр. М.: Астрель, 2013. Т. 4;
- Стругацкий Б. Н. Комментарии к пройденному. СПб.: Амфора, 2003;
- Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью Б. Н. Стругацкого / ред. А. В. Кузнецова // ФантЛит: электрон. журнал. 2005. № 1. http://www.e-reading.club/book.php?book=145642.

Теоретической базой явились, во-первых, исследование антиутопии Б. Ланина (1993a; 1993b), в котором были вычленены ключевые признаки этого феномена; во-вторых, работы, описывающие ключевые этапы творческого пути (Володихин, Прашкевич, 2012), дающие периодизацию творчества (Кузнецова, 2004) и выявляющие тенденции развития (влияние американских фантастов, прежде всего Р. Брэдбери) ранней прозы бр. А. и Б. Стругацких (Амусин, 1996; Неронова, 2016) и специфику образа героя в ней (Фролов, 2016).

Ключевыми методами нашего исследования стали: сравнительно-исторический, с помощью которого тексты писателей исследованы в диахроническом аспекте, в неразрывной связи с творчеством предшественников (в частности, Е. Замятина, Г. Уэллса), и метод целостного анализа художественного произведения, благодаря которому произведения бр. Стругацких второй половины 1960-х гг. рассмотрены в единстве их поэтики и проблематики.

Практическая значимость статьи состоит в том, что её наблюдения, отдельные выводы и результаты могут быть использованы в вузовском курсе истории русской литературы XX века, в спецкурсах и спецсеминарах по советской фантастике и творчеству бр. Стругацких, а также при составлении антологий советской фантастики и комментировании изданий бр. Стругацких.

Обсуждение и результаты

Специфика антиутопичности «Хищных вещей века»

Повесть «Хищные вещи века» (1964) в творчестве бр. Стругацких весьма неоднозначна: в ней объектом изображения явилось мещанское мировоззрение, воплощенное в устройстве некой европейской страны, достигшей состояния полного изобилия и спокойствия. Люди, имеющие все и ни к чему не стремящиеся, поглощены миром «хищных вещей». Их досуг однообразен и примитивен: «А-а… Тогда вы много потеряли. Мы с женой смотрим эту историю уже седьмой год, каждый вторник. Мы пропустили только один раз: у меня был приступ, и я потерял сознание. Но во всем городе только один человек не пропустил ни разу мастер Миль из Центрального салона» (Стругацкий, Стругацкий, 2013, с. 530). Не зная, чем наполнить своё никчемное бытие, люди придумывают себе новую потребность – слег (своеобразный наркотик). Б. Стругацкий пишет: «Идея была такая: под воздействием мощного электронного галлюциногена, воздействующего впрямую на мозг, человек погружается в иллюзорный мир, столь же яркий, как и мир реальности, но гораздо более интересный, насыщенный замечательными событиями и совершенно избавленный от серых забот и хлопот повседневности. За наслаждение этим иллюзорным миром надобно, однако, платить свою цену: пробудившись от наркотического сна, человек становится беспощадным животным, стремящимся только к одному – вернуться, любой ценой и как можно скорее, в мир совершенной и сладостной иллюзии» (2003, с. 89).

Отметим весьма примечательный момент: творчество советских писателей нередко до сих пор воспринимается сквозь призму идеологии. Понятие «антиутопичности» у бр. Стругацких сводится к спорам «за коммунизм» или «против коммунизма» и, исходя из этого, мыслится утопией или антиутопией. Несмотря на то, что «Хищные вещи века» не привязаны к конкретным историческим событиям, как, например, «Трудно быть богом», они гораздо активнее относятся к «просоветским» произведениям, и антиутопия воспринимается исключительно

как выпад против капиталистического Запада. Однако, на наш взгляд, чтобы определить степень «антиутопичности» изображенного мира, необходимо отталкиваться от особенностей миромоделирования и того, насколько этот мир соответствует канонам антиутопии. «Хищные вещи века» в идейно-тематическом отношении гораздо шире, нежели выпад против капитализма. Повесть идеологически бесстрастна, ибо критика капитализма подразумевает пропаганду каких-либо альтернативных политических методов. Прозаиками же этот вопрос не ставится, более того, если воспринимать главного героя Ивана Жилина как делегата «советского рая» в «загнивающий Запад», то никак нельзя допускать сомнения в идеальности «посылающей системы». Однако сомнение это есть хотя бы в том, что начальство Жилина изображено недальновидным и достаточно примитивным. Сюжетное развертывание воспринимается, скорее, как проекция обобщенного писательского переживания о действительности в вероятное будущее, и в центре внимания отнюдь не «коммунист» или «капиталист», но человек как таковой. Все события происходят в некоем городе некой европейской страны, на этом какая-либо историко-географическая конкретика заканчивается. По поводу «Хищных вещей века» в рамках офлайн-интервью бр. Стругацкие неоднократно подчеркивали, что «не имели в виду никакого конкретного города. Небольшой курортный город в небольшой европейской стране. Все. И никаких конкретностей. <…> Коммунизм – это общество людей, наслаждающихся своей любимой работой, а не стадо пожирателей вкусной еды, для которых главное в жизни – поменьше думать и побольше развлекаться. Вузи с приятелями – достойные представители такого вот общества. Но и интели – тоже не сахар, хотя они и “с идеями”. Большевики тоже были “с идеями”… И не пытайтесь поделить мир (и в частности, общество, описанное в ХВВ) на быдло и на тех, что “с идеями”. Не получится. В каком-то смысле все с идеями. И в каком-то смысле – все быдло. <…> Мир ХВВ – это реализовавшееся во всей своей красе Общество Неограниченного Потребления. Мир, в котором полностью отсутствует проблема материального обеспечения граждан: людям доступно все необходимое и практически все, что они могли бы пожелать. Реализована старинная мечта человечества: работать как можно меньше, а получать как можно больше. И совершенно неважно, только ли город это, или целая страна, или даже континент» (Интервью длиною в годы, 2005). Мы полагаем, что действие «Хищных вещей века» происходит в рамках антиутопии, хотя и не столь явственно очерченной, как, к примеру, в «Мы» Е. Замятина. Приведем по этому поводу небезосновательный комментарий И. Д. Тузовского: «Весьма условно причисляемая к антиутопиям повесть братьев Стругацких “Хищные вещи века” не нуждается как таковая в специфической модели управления: ее антиутопичность заключается уже в том, что утопическая цивилизация, разрешив проблему материальных благ и достигнув высот технического прогресса, порождает не только потребительскую модель поведения, но и поиск недоступных ощущений» (2009, с. 147). Мир, изображенный бр. Стругацкими, – это утопия, которая исказилась в условиях реальности до примитивного «пустого» мира. Подобный прием перерождения «утопического» характерен для антиутопии и позволяет выделить мотив «массового потребительства» как миромоделирующей основы «нового» мира «со знаком минус». Люди этого мира – «живые мертвецы», какими их видел впечатлительный мальчик Лэн. Человек, не имеющий никакой цели, не живет, он существует.

«Хищные вещи века» – это предостережение, суть которого выражена в эпиграфе как части заголовочно-финального комплекса, взятого из А. де Сент-Экзюпери: «Есть лишь одна проблема – одна-единственная в мире – вернуть людям духовное содержание, духовные заботы…». Писатели изобразили мир, в котором духовное содержание утрачено, и подобная проекция негативных тенденций в предполагаемое будущее – основополагающая часть антиутопического «жанрового канона». Несмотря на «затуманенность антиутопического фокуса» (Сувин, 2009), «Хищные вещи века» рассматриваются исследователями именно в этом контексте, например, Е. В. Борода (2007) указывает, что еще В. Ган называет их «повестью-предупреждением». Антиутопичность создается благодаря отождествлению читателем самого себя с главным героем, который противопоставлен системе. В «Хищных вещах века» герой появляется извне, поэтому он воспринимает систему как монолитное, статичное образование, которое зиждется на ряде характерных обрядов и ритуалов. Ритуальность быта в «Хищных вещах века» проявляется, в первую очередь, в погруженности каждого персонажа в состояние максимального умственного расслабления, полной свободы от насущных человеческих проблем. Потребности, безусловно, сохраняются, но их быстрое удовлетворение заглушает импульсы к дальнейшему развитию. Будучи «чужим», главный герой не вписывается в привычный ритуал «получения благ», а потому воспринимается обществом как чудак: «Я схватил Минца, зажал два тома под мышкой и раскрыл третий. Никогда в жизни не видел полного Минца. Там были даже письма из эмиграции… Сколько с меня? воззвал я. Девицы опять уставились. Шофер подобрал губы и сел прямо. Что? спросил он сипловато. Вы здесь хозяин? осведомился я. Он встал и подошел ко мне. Что вам надо? Я хочу этого Минца. Сколько с меня? Девицы захихикали. Он молча смотрел на меня, затем снял очки. Вы иностранец? Да, я турист. Это самый полный Минц. Да я же вижу, сказал я. Я совсем ошалел, когда увидел. Я тоже, сказал он. Когда увидел, что вам нужно. Он же турист, пискнула одна из девочек. Он не понимает. Да это все без денег, сказал шофер. Личный фонд. В обеспечение личных потребностей» (Стругацкий, Стругацкий, 2013, с. 530). Напомним здесь рассуждения Н. А. Бердяева о природе подобного общества: «Человеческие общества переходят от стеснения, гнета, жестокости, опасности, негарантированности жизни, от ужасов войн и революций, от жизни суровой к более спокойной, довольной, свободной жизни, к жизни мещанской, к погоне за наслаждениями, к деморализации и упадку, и потом вновь повторяется то же самое» (1990, с. 58). Несмотря на то, что это общество «консьюмеристов», оно не характеризуется типичным для «зверского капитализма» угнетением рабочих и явным финансовым расслоением. Картина изображаемого такова, что социум воспринимается равным, свободным, но бессмысленным. Он имеет характер гомеостатического, поскольку государство в роли общественного регулятора, активно подавляющего волю социума, не упоминается. Его роль вообще максимально занижена: «Между прочим, сказал я,

кто у вас мэром? Мэром? Черт его знает, не помню. Выбирали кого-то…» (Стругацкий, Стругацкий, 2013, с. 523). Подобная социальная модель, как известно, встречается и в других антиутопиях (показательна в этом контексте, к примеру, кино-антиутопия «Гаттака»). Суть ее в противопоставлении «напряженной» модели управления, в которой государство выступает в роли агрессора по отношению к социуму. Потребность в реализации нерасходуемой жизненной энергии трансформировалась в появление специфических обрядов: посещения «дрожек», употребления «слега», практик «рыбарьства» и «меценатства». Все это воспринимается как часть антиутопической картины мира, дополняющейся особым новоязом (достаточно вспомнить антиутопии Дж. Оруэлла «1984» или Э. Берджесса «Заводной апельсин»). Причем новояз употребляется не только в номинативной функции, обозначая возникшие традиции, но и в быту: «Двое молоденьких девчушек щебетали сущую ерунду, выбирая и примеряя блузки. “Фонит”, пищала одна. Другая, прикладывая блузку так и этак, отвечала: “Чушики, чушики, и совсем не фонит”. “Возле шеи фонит”. “Чушики!” “И кресток не переливается…”» (Стругацкий, Стругацкий, 2013, с. 528). Если для главного героя (чужака и чудака) очевидна «антиутопичность» мира, то для самих его жителей этой очевидности нет, не считая небольшую группу «интелей», которые навязывают малоэффективную борьбу. Идеология этого мира декларируется через реплику доктора философии Опира: «Статья называлась “Мир без забот”. Доктор Опир красивыми словами и очень убедительно обосновывал всемогущество науки, звал к оптимизму, клеймил угрюмых скептиков-очернителей и приглашал “быть как дети”. Особенную роль в формировании психологии современного (то есть беззаботного) человека он отводил методам волновой психотехники. “Вспомните, какой великолепный заряд бодрости и хорошего настроения дает вам светлый, счастливый, радостный сон!” – восклицал представитель новейшей философии» (Стругацкий, Стругацкий, 2013, с 550). Формирование психологии человека путем манипулятивных техник – частотный прием антиутопии (романы «Мы» Е. Замятина, «О дивный новый мир» О. Хаксли, ставшие культовыми фильмы «Гаттака», «Эквилибриум», «Лобстер», «Равные», «Посвященный», «Обитаемый остров», «Дивергент»). В «Хищных вещах века» нет массового зомбирования, но, несмотря на мнимое благополучие, у людей возникает тяга к саморазрушению как к яркой, ни с чем не сравнимой эмоции. Кроме того, поддержанием «беззаботности» уже занимаются специальные заведения: «Итак, мир прекрасен, доктор? – сказал я. – Да, с чувством сказал доктор Опир. – Он, наконец, прекрасен. – Вы великий оптимист, сказал я. Наше время – это время оптимистов. Пессимист идет в Салон Хорошего Настроения, откачивает желчь из подсознания и становится оптимистом. Время пессимистов прошло, как прошло время туберкулезных больных, сексуальных маньяков и военных. Пессимизм, как умонастроение, искореняется все той же наукой. И не только косвенно, через создание изобилия, но и непосредственно, путем прямого вторжения в темный мир подкорки. Скажем, грезогенераторы – наимоднейшее сейчас развлечение народа. Абсолютно безвредно, необычайно массово и конструктивно просто… Или, скажем, нейростимуляторы…» (Стругацкий, Стругацкий, 2013, с. 540). Мир «Хищных вещей века» построен по канонам антиутопии, но её мир противоречив, о чем говорит сам Б. Стругацкий: «…сравните мир ХВВ с миром “1984” или даже с миром романа “Операция ВЕНЕРА” Пола и Корнблата. Не покажется ли Вам мир ХВВ раем? А ведь тоталитарные миры и миры перенаселенной Земли – это вполне реальная перспектива. Нет уж, пусть лучше дрожка и слег. В конце концов, и то, и другое уже существует “здесь и сейчас”, хотя и в облегченном варианте (рок-клубы и экстази), и ничего, живем, не погибаем и даже прогрессируем помаленьку» (Интервью длиною в годы, 2005). Очевидно, что «абсолютное довольство» как заведомо ложное представление о «счастье» не менее страшное средство разрушения личности, чем технократия.

Особенности антиутопии во «Втором нашествии марсиан»

Повествование во «Втором нашествии марсиан» (1966, опубл. 1967, журнал «Байкал») представляет собой дневниковые записи главного героя, учителя астрономии на пенсии Аполлона (подобный прием, кстати, со всей очевидностью отсылает к замятинскому «Мы»). В основе сюжета лежит описание событий, связанных с установлением на Земле «марсианского режима». Пришельцы не используют никаких «суперпушек», а заключают с населением торговую сделку: желудочный сок в обмен на «спокойствие». События повести со всей очевидностью перекликаются с романом Г. Уэллса «Война миров», в котором описано вторжение марсиан на территорию Англии. Но если марсиане Г. Уэллса проявляли агрессию, то марсиане бр. Стругацких действуют в духе новой эпохи «купли-продажи». Б. Стругацкий по этому поводу писал: «Сама идея о вторжении марсиан (и вообще инопланетян) на Землю сегодняшнего дня интересовала авторов давно. Мысль о том, что современное нам человечество в массе своей настроено дьявольски конформистски и начисто лишено таких понятий, как ЦЕЛЬ, СМЫСЛ, НАЗНАЧЕНИЕ применительно ко всем людям сразу, – мысль эта неизбежно приводила к естественному сюжетному ходу: человечество не надо завоевывать – его можно без особого труда просто купить» (Стругацкий, 2003, с. 115). Действие вновь происходит в абстрактном, неконкретизированном, хронотопе: казалось бы, пространством развития сюжета оказывается Земля, но имена персонажей взяты из древнегреческой мифологии, выдающей вымышленный топос и явную авторскую иронию. В тексте есть отсылки к холодной войне и обострившемуся ядерному кризису в начале 1960-х: «Парал возразил, что про танки и про полные штаны он ничего не знает и знать не хочет, а вот про атомную войну мы все знаем одинаково. “Ложись ногами к взрыву и ползи на ближайшее кладбище”, – сказал он. “Шпаком ты был, шпаком и умрешь, – сказал одноногий Полифем. – Атомная война – это война нервов, понял? Они нас, а мы их, и кто первый навалит в штаны, тот и проиграл”» (Стругацкий, Стругацкий, 2013, с. 450). Хотя никаких намеков на постъядерный характер изображаемого мира нет, подобные отсылки подтверждают соотнесенность событий с реальной историей. Если «Хищные вещи века» – абсолютно узнаваемый земной мир, то «Второе нашествие марсиан» –

своеобразная попытка изобразить некую «страну дураков». Повесть выдержана в гротескно-сатирических тонах, многие ситуации подаются анекдотически. Восприятие всего происходящего как анекдота поначалу не ассоциируется с антиутопичностью. Антиутопичность во «Втором нашествии марсиан» менее выражена, нежели в «Хищных вещах века». Общество представляется вполне «нормальным», и лишь появление внешней силы позволяет более четко высветить суть происходящего. Именно то, что повествование ведется не от противостоящего системе, но от героя как ее неотъемлемой части, создает иллюзию достоверности и естественности. Вполне «добропорядочный» мирок с колоритными комедийными персонажами «завоевывается» марсианами. Само появление марсиан вызывает, конечно, переполох, но люди, не привыкшие думать о чем-то, кроме личного пространства и своекорыстных интересов, не воспринимают происходящее всерьез (те же, кто воспринимает, вновь кажутся чудаками): «Дом трясется, все скрипит, на улице истошно кричат что-то про войну, а этот старый осел начинает рассказывать мне, что к нему в участок тут привели Минотавра: пьян мертвецки, осквернил угол особняка господина Лаомедонта, на ногах не стоит и даже драться не может. “Вы меры принимать будете или нет?” – прерываю я его. “Я вам об этом и толкую, господин Аполлон, – обижается этот осел. – Мне нужно протокол составлять, а вы у меня весь телефон оборвали. Если вас всех так уж волнует этот пожар…” – “А если это война?” – спрашиваю я. “Нет, это не война, – заявляет он. – Я бы знал”. “А если это извержение?” – спрашиваю я. Он не понимает, что такое извержение, я больше не могу и вешаю трубку» (Стругацкий, Стругацкий, 2013, с. 456). Все персонажи замкнуты на собственном комфорте, мелкие бытовые заботы составляют главный объект размышлений любого из них. Это трансформируется в своеобразный ритуал, который поддерживается ежедневными собраниями «на пятачке»: «Оказывается, Минотавр въехал своей цистерной в ювелирную витрину, и народ собрался посмотреть, как он, грязный, распухший, с утра уже опять пьяный, дает показания дорожному инспектору» (Стругацкий, Стругацкий, 2013, с. 460).

Любое обсуждение чего-то высокого становится комичным, поскольку не является частью ритуала. Именно эта мелочность помыслов и моделирует мир антиутопичный. Социум представлен в состоянии практически полного анабиоза, который привел к девальвации человеческого достоинства в рамках целой Вселенной (марсиане становятся новой, легитимной, с точки зрения большинства, властью). Оказывающие сопротивление выглядят на фоне «разумного большинства» чудаками, «инсургентами». Ключевая черта этого мира – отсутствие высших идеалов и конформизм – явственно вырисовывается в многочисленных событийных эпизодах и в размышлениях главного героя Аполлона, которому противопоставлен его зять Харон – член оппозиции: «Экая жалость – цивилизацию продали за горсть медяков! Да скажите спасибо, что вам за нее дают эти медяки! Что вы предложили фермеру? Сомнительные социальные идейки? Книжечки-брошюрочки? Эстетскую вашу философию? Да фермер плевал на все это! Ему нужна одежда, машины, нужна уверенность в завтрашнем дне! Ему нужно иметь постоянную возможность взрастить урожай и получить за него хорошую цену! Вы смогли ему это дать? Вы, со всей вашей цивилизацией! Да никто за десять тысяч лет не смог ему это дать, а марсиане дали!» (Стругацкий, Стругацкий, 2013, с. 469). Приземленность взглядов главного героя иронически обрисовывается в бытовых рассуждениях, например, о том, что ему «до панспермии и до внешней политики» «тогда не было и сейчас нет никакого дела, а алкоголизмом мучительно для всех окружающих страдал двоюродный племянник Гермионы» (Стругацкий, Стругацкий, 2013, с. 459). Или: «Иногда меня охватывает настоящий ужас при мысли о том, что дело с моей пенсией не образуется. У меня все стесняется внутри, и я совершенно ничем не могу заниматься» (Стругацкий, Стругацкий, 2013, с. 462). Но если в масштабах быта отдельно взятого персонажа это не воспринимается как тревожный сигнал, то в рассуждениях более глобального ракурса расчетливость приобретает куда более негативные оттенки: «Я понимаю: идти убивать из-под палки, убивать, чтобы не убили тебя. Это тоже мерзко и скверно, но это по крайней мере естественно. А ведь их-то никто не заставляет. Партизаны!» (Стругацкий, Стругацкий, 2013, с. 462). Или: «Но сколько же можно рассуждать? И что от этих рассуждений меняется? Ясно же: сколько ты ни рассуждай о фашизме, фашизму от этого ни тепло, ни холодно, охнуть не успеешь, напялят на тебя железную каску, и – вперед, да здравствует вождь!» (Стругацкий, Стругацкий, 2013, с. 470). Особенности этого социума можно определить как «антиутопический концепт» повести, все остальное действие уже нанизывается на «каркас» антиутопии. Повесть имеет и другие признаки, характерные для антиутопии: действие сосредоточено в ограниченном пространстве, упоминается происходившая в прошлом разрушительная война (психологический барьер, вызывающий привязанность к чувству «спокойствия»), кроме того, власть крайне развращена и после «сдачи» страны марсианам применяет методы активной пропаганды, выступая в качестве менеджеров при новом режиме: «Полковник говорил, собственно, только о двух вещах – о патриотическом долге солдата и о его желудочном соке, причем каким-то неуловимым образом связывал эти два понятия воедино. Сами солдаты во всех этих тонкостях не разобрались, но поняли твердо, что всякий, кто с нынешнего утра будет пойман сержантом с жевательной резинкой “нарко” или с сигаретой “опи”, немедленно загремит в карцер на десять суток и будет там сгноен» (Стругацкий, Стругацкий, 2013, с. 469).

Новая власть приносит изменения в привычный быт населения, которые кажутся с точки зрения «нормального» человека абсурдными: замена пшеницы какой-то марсианской культурой и сдача желудочного сока на нужды «правительства». Но поскольку за сок исправно платят деньги, все принимают это нововведение как норму и даже ловят инсургентов как вредителей экономики. Эта позиция поддерживается в газетах, по радио, телевидению; закрываются неугодные СМИ; желудочный сок получает статус валюты – все это носит черты типичного алгоритма действий тоталитарного режима. Сомнительные личности либо вербуются, либо случайно устраняются, но делается это мягко, не вызывая каких-либо подозрений. По поводу этого произведения примечательна реплика Б. Стругацкого: «Мы, разумеется, были ближе к Харону. (Я и сейчас к нему ближе.) Однако, аргументация Аполлона (аргументация подавляющего большинства, между прочим!) неопровержима. В этом-то и проблема» (Интервью длиной в годы, 2005).

Тема счастья в обмен на свободу характерна для большей части антиутопической литературы: от «Легенды о Великом Инквизиторе» Ф. М. Достоевского, где говорилось о неготовности человечества к «божественному» счастью свободы, когда человеку достаточно лишь «животной» сытости, за которую он с легкостью продаст все свои идеалы (очевидная отсылка к «Фаусту» И.-В. Гёте), до «О дивного нового мира» О. Хаксли, «451 градус по Фаренгейту» Р. Брэдбери, отчасти «Мы» Е. Замятина и др. В интерпретации бр. Стругацких этот вопрос разрешается добровольным рабством человечества и постепенной его деградацией в состояние сельскохозяйственных животных, которых кормят, о которых заботятся и которые исправно производят продукцию для своих марсианских «хозяев». Единственный вопрос, который беспокоил население поначалу, – не слишком ли дешево они продают свой желудочный сок. Однако марсианская политика рассчитана на долгосрочные перспективы по «одомашниванию» землян: создается впечатление, что синий хлеб из марсианских злаков вызывает привыкание (даже у инсургента Харона): «Второй день подряд мы все отличаемся отменным аппетитом. Говорят, все дело в синем хлебе. Действительно, это удивительный продукт. Прежде я никогда не ел хлеба вне бутербродов и вообще мало ел хлеба, теперь же я буквально им объедаюсь. Он тает во рту, как пирожное, и совершенно не обременяет желудка» (Стругацкий, Стругацкий, 2013, с. 471). Кроме того, поощряется употребление «синюховки» – самогона на основе этих же злаков – для повышения качества желудочного сока: «Мало того, дежурный фельдшер намекнул мне, что, употребляя в умеренных, но достаточных количествах синюховку, я смогу добиться перехода в сорт экстра и получать за сто граммов на семьдесят-восемьдесят процентов больше. Я боюсь сглазить, но, кажется, наконец, впервые в жизни мне немножечко повезло» (Стругацкий, Стругацкий, 2013, с. 472).

Несмотря на особую «юмористическую» подачу, эта повесть воспринимается как антиутопическая: изображенный мир представляется проекцией негативных черт, доминирующая из которых – социальный конформизм. Об антиутопичности произведения упоминают Б. А. Ланин (1993а), Н. Н. Мамаева (2015), подчеркивающая, что «картина страшного и грозного противостояния превращается в картину мирной купли-продажи: вы нам сок – мы вам деньги. Вместо борьбы с угнетателями обыватель покорно глотает желудочный зонд, предварительно смазанный высококачественным вазелином, и совершенно счастлив. Страшненькая антиутопия». Помимо этого, советскими критиками «Второе нашествие марсиан» тоже оценивалось как антиутопия, но ей придавалось, в первую очередь, идеологическое значение: мыслилась она как «антизападная», «антидемократическая», «антибуржуазная» антиутопия. Об этом пишет Р. Г. Подольный: «Марсиане устанавливают в захваченной стране фашизм полного брюха – такой вполне может сосуществовать с откровенно бессильной “буржуазной демократией”. Пожалуй, признание и поощрение ее марсианами – сильнейшая оплеуха, которую эта “демократия” когда-нибудь получала в советской фантастике. “Второе нашествие марсиан” так и просится на полочку с табличкой “антиутопия”» (1968, с. 9). Если исключить идеологическую составляющую этого высказывания, то очевидно, что повесть, так или иначе, причислялась к антиутопическим благодаря присутствию в ней характерных для антиутопии черт. Другими словами, произведение содержало «антиутопический код», который считывался путем преобразования художественного пространства в образ реальной действительности. Жителям здесь разрешается использовать «легитимные» меры борьбы, чтобы ничто не нарушало покоя большинства. Однако вопрос о перспективах подобного мира остается открытым, потому что его антиутопичность зависит прежде всего от соответствия взглядов автора и реципиента.

Заключение

Итак, в заключение мы пришли к следующим выводам.

В первую очередь, антиутопичность повести «Хищные вещи века» проявляется в том, что объектом сатиры становится общество потребления. «Слег» позволяет исполнять здесь любое желание, под воздействием наркотика происходит изменение сознания, меняются ощущения реальности, во время «слеговых трипов» человек чувствует себя действительно счастливым, и не удивительно, что люди пытаются уйти в мир иллюзий, оставаясь примитивными и неразвитыми. Во «Втором пришествии марсиан» выявлены особенности, присущие антиутопической литературе: негативные тенденции, воплощенные в социальном прогнозе, особый мир, смоделированный в соответствии с «антиутопическим архетипом», конфликт героя и системы. Антиутопичность произведений бр. Стругацких второй половины 1960-х годов («Хищные вещи века», «Второе нашествие марсиан») – это и развенчание утопических идеалов (собственно авторских в том числе), и попытка показать, что невозможно построить справедливый и счастливый мир насильственным путем (через насаждение мнимого благополучия или воздействия извне), и критика методов тоталитаризма, и размышление о психологии человека как такового (герой либо противостоит насаждению противоестественных норм, либо является частью системы). Отличительная черта этих произведений состоит в противостоянии «утопического» героя и антиутопической системы, которая в итоге ломает его. Антиутопия у бр. Стругацких складывается из мелких деталей в общий рисунок единой картины мира (прием подробного детализирования в изображении сюжета – основной прием бр. Стругацких).

Перспективой дальнейшего исследования может стать анализ созданного в эти же годы «Обитаемого острова» в контексте антиутопической традиции, его сравнительно-сопоставительный анализ с экранизацией Ф. Бондарчука с целью выявления специфики интерпретации антиутопии средствами кинематографа. Небезынтересным может стать и сопоставление «Хищных вещей века» с антиутопическим романом М. Фрейна «Очень частная жизнь» (1968), также повествующим об искаженном мире тотального довольства.

Источники | References

1. Амусин М. Ф. Братья Стругацкие: очерк творчества. Иерусалим: Бесэдер, 1996.
2. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Наука, 1990.
3. Борода Е. В. Полдень XXII век: мир новых возможностей или счастливый сон человечества? Отечественная фантастика XX века как сфера социального прогноза // Русская фантастика. 2007. http://www.rusf.ru/abs/rec/bor_khis.htm
4. Борода Е. В. Художественные открытия Е. И. Замятина в контексте поисков русской литературы второй половины XX – начала XXI веков: дисс. … д. филол. н. Тамбов, 2011.
5. Володихин Д. М., Прашкевич Г. М. Братья Стругацкие. М.: Молодая гвардия, 2012.
6. Воробьева А. Н. Русская антиутопия XX – начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: дисс. … д. филол. н. Самара, 2009.
7. Геллер Л. Об утопии, антиутопии, герметизме и Е. Замятине // Филологические записки. 1994. № 3.
8. Камратова М. А. Антиутопическая и утопическая тенденции в современной русской литературе (на материале творчества Виктора Пелевина, Бориса Акунина): дисс. … к. филол. н. Новосибирск, 2016.
9. Комлева Н. Л. Антиутопическая традиция в американской прозе 1980-х гг.: романы «Берег москитов» и «О-Зона» П. Теру: дисс. … к. филол. н. Саранск, 2007.
10. Костенкова В. В. Антиутопия начала XXI века в динамике жанровых трансформаций: дисс. … к. филол. н. Краснодар, 2019.
11. Кузнецова А. В. Рецепция творчества братьев Стругацких в критике и литературоведении: 1950-1990-е гг.: дисс. … к. филол. н. М., 2004.
12. Ланин Б. А. Антиутопия // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001.
13. Ланин Б. А. Русская литературная антиутопия: монография. М.: Изд-во МГУ, 1993a.
14. Ланин Б. А. Типология жанра русской антиутопии // Российский литературоведческий журнал. 1993b. № 1.
15. Любимова А. Ф. Жанр антиутопии в XX веке. Содержательные и поэтологические аспекты. Пермь: ПермГУ, 2002.
16. Мамаева Н. Н. Второе нашествие марсиан // Русская фантастика. 2015. http://www.rusf.ru/abs/rec/mam009.htm
17. Мангейм К. Идеология и утопия: в 2 ч. / Ин-т науч. информации по обществ. наукам АН СССР. М., 1976. Ч. 2.
18. Неронова И. В. Раннее творчество братьев Стругацких: поиск индивидуального стиля // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 4.
19. Подольный Р. Г. Борьба миров // Стругацкий А., Стругацкий Б. Стажеры; Второе нашествие марсиан. М.: Мол. гвардия, 1968.
20. Сувин Д. О научно-фантастическом творчестве братьев Стругацких / пер. А. Кузнецовой. 2009. https://fan.lib.ru/a/ashkinazi_l_a/text_2190.shtml
21. Тузовский И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий. Челябинск: Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2009.
22. Фролов А. В. Трансформация мироощущения героя и автора в процессе творческой эволюции Аркадия и Бориса Стругацких («Далекая Радуга» – «Улитка на склоне» – «Град обреченный»): дисс. … к. филол. н. М., 2016.
23. Хауэлл И. Апокалиптический реализм: научная фантастика Аркадия и Бориса Стругацких / пер. с англ. Е. Нестеровой. Бостон – СПб.: Academic Studies Press; БиблиоРоссика, 2021.
24. Ху Цзяжуй. Антиутопический и религиозно-мифологический дискурсы в литературе постмодернизма: дисс. … к. филол. н. М., 2024.
25. Walsh Ch. From Utopia to Nightmare. Westport: Greenwood Press, 1972.

Информация об авторах | Author information

RU

Осьмухина Ольга Юрьевна[1], д. филол. н., проф.
Харитонов Андрей Николаевич[2]
[1, 2] Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск

EN

Olga Yurievna Osmukhina[1], Dr
Andrei Nikolaevich Kharitonov[2]
[1, 2] National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk

[1] *osmukhina@inbox.ru,* [2] *andrej_xaritonov_9696@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.05.2025; опубликовано online (published online): 01.07.2025.

Ключевые слова (keywords): советская научная фантастика; проза бр. Стругацких второй половины 1960-х годов; антиутопическая традиция в произведениях; мотив «массового потребительства» как миромоделирующая основа антиутопии; противостояние «утопического» героя и антиутопической системы; Soviet science fiction; prose of the Strugatsky brothers of the second half of the 1960s; dystopian tradition in works; motif of “mass consumerism” as a world-modeling basis for dystopia; confrontation between the “utopian” hero and the dystopian system.